

ФИЛОСОФИЯ И ЖИЗНЕННЫЙ ВЫБОР ЧЕЛОВЕКА (ИНТЕРВЬЮ Ю.М. РЕЗНИКА С ПРОФЕССОРОМ О.А. МИТРОШЕНКОВЫМ, МОСКВА, 6 ИЮЛЯ 2009 г.)

Уважаемый Олег Александрович! Мы знаем друг друга около 20 лет и, как мне представляется, нас связывают с Вами прочные и давние дружеские узы. Сколько раз мы беседовали с Вами, сверяя наши позиции и проясняя общие для нас смыслы. И все же у меня к Вам осталось еще много вопросов, требующих дальнейшего осмысления.

Ю.М. Резник

Философия и жизненный выбор человека

Ю.М. Резник: Олег Александрович! Как известно, сапожники очень часто оказываются сами без сапог. Не относится ли это и к философам? В жизни они редко следуют своим же философским убеждениям, хотя весьма охотно дают советы окружающим людям.

О.А. Митрошенков: Это довольно точно подмечено. Люди, имеющие отношение к философии или называющие себя философами, и в самом деле готовы давать советы окружающим (часто им это ничего не стоит, или их об этом никто не просит), хотя их собственное поведение может разительно отличаться от того, что в этих советах содержится. Ну, а окружение чаще всего платит им той же монетой, следуя жизни, а не советам.

Однако проблема структурно оказывается несколько сложнее.

С одной стороны, у людей есть справедливое ожидание того, что любой советующий сам на деле исповедует то, о чем говорит. В философии таковы Сократ, Д. Бруно, В. Соловьев, А. Зиновьев и другие.

С другой — философы живут в обществе, культуре, конкретных обстоятельствах, нередко требующих героизма. Но понятие «философ» — не синоним понятия «герой». Философ — тоже человек, только долженствующий быть более мудрым, чем другие. А если ему холодно или голодно — он хочет согреться или поесть. Или накормить своих детей. Так что философ, кроме философствования, еще и пребывает в повседневности. В курсе истории философии студентам рассказывают о том, что, когда чужеземцы пришли к Гераклиту в дом, он сидел возле очага и пытался согреться. В ответ на их разочарование обыденностью увиденного философ заметил: «Да, да, и здесь живут боги». Нужно ли сегодня бросать камни в М. Хайдеггера за то, что он был ректором Берлинского университета при нацистах? Не уверен. Но я знаю, что он оставил человечеству философию мирового уровня.

Разумеется, расхождение в убеждениях и реальных делах всегда разочаровыва-

ет, будь то философ, президент страны, глава нефтяной компании, собственные родители или дети. Всякий раз надо смотреть, что конкретно за этим стоит.

Ю.М.: *Вы часто говорили мне о том, что многого достигли в жизни и с каждым годом Вам все труднее стимулировать себя к новым достижениям на научном поприще. Вы — доктор философских наук, профессор, автор монографий, а также общепризнанного учебника по философии, выдержавшего несколько изданий, и многочисленных статей. И все же Вы не успокаиваетесь, а продолжаете свой поиск. И Вас по-прежнему беспокоит вопрос о Ваших будущих успехах. Сегодня в науке ситуация непростая. Речь идет не только о невысоком уровне зарплаты вузовских преподавателей, но и об атмосфере бумаготворчества и бюрократических барьеров, в которой им приходится работать. Что же дальше, Олег Александрович? Каким будет Ваш следующий шаг: продолжать идти дальше по избранному пути или пойти на компромисс?*

О.А.: Начнем с того, что я никогда и никому, даже и тем более себе самому, не говорил о том, что многого достиг в жизни. Это, скорее всего, недоразумение.

К тому же большой вопрос: что это значит — многого добиться в жизни? Как и чем, каким оселком человек должен мерить свою жизнь? Ну, в самом деле, не богатством же и должностью, пусть даже и министра или президента страны. Мало ли видел свет пустых людей с огромными деньгами и на высоких государственных постах! Вот мельтешит на экране известная якобы «светская львица» — дочь известных родителей. Это что, успех? Кто ее будет вспоминать, как только она исчезнет с экрана?

Разумеется, богатство может способствовать жизненному успеху, если после тебя остается Третьяковская галерея, Национальная библиотека или храм. А если только скандальные куршавельские хроники или самые комфортабельные в мире яхты и лондонские футбольные клубы — это скорее что-то от психиатрии, компенсация голодного босоногого детства. Министр может быть Столыпиным и погибнуть за страну, а может положить жизнь ради денег и рублевских замков, и место ему, скорее всего в тюрьме.

Так что каждый решает сам, что значит для него состоявшаяся жизнь и успех. К сожалению, сегодня распространено мнение, будто жизнь состоялась тогда, когда «дом полон чаша» или ты — «начальник», пусть и небольшой (хотя если большой — это лучше). Или когда ты мелькаешь на экране телевизора или обложках журналов.

Все это идет от традиционного, ныне провинциального, уходящего вглубь столетий и повседневной культуры представления о том, что «успешный» человек должен иметь значительный вид (большой живот, вельможно-барские повадки, золотые зубы, кольца на руках), быть начальником, демонстрировать свое превосходство, наслаждаться поклонением челяди. В сегодняшней жизни все это трансформировалось, но при небольшом воображении легко распознается в стремлении к богатству, должностям, известности. Большой живот трансформировался (и то, по правде сказать, не всегда) в иномарку с мигалкой и чиновничий кабинет, золотые зубы — в особняк в престижном месте, поклонение челяди — в зависть «неудачников» и т.д.

Думаете, это преувеличение? Ничуть! 8 или 9 человек из 10 продемонстрируют вам сегодня именно такую систему ценностей. Общество потребления всячески поддерживает их в этом. Ярмарка тщеславия — феномен чрезвычайно распространенный! И, пожалуй, больше всего — в России. Этот вопрос совершенно определенно требует философского осмысления.

Если человек много говорит о том, что он достиг больших успехов, если лишний раз напоминает об этом другим и себе — он сам не уверен в этом. Однако стократ

убедительнее, если об этом скажут другие, а лучше — реальные дела. Конечно, любой человек нуждается в признании, однако его не прибавляется от того, что ты сам о нем твердишь, то ли требуя, то ли выпрашивая его.

Такие ценности мало что значат. Содержательность жизни все же заключается в другом. По всем этим причинам я не могу убеждать других в том, будто бы добился больших успехов. Более того, я не могу сказать этого и самому себе. Особенно если говорить по гамбургскому счету. Тогда о чем разговор?

Я также никогда не утверждал, что с годами все труднее стимулировать себя к новым достижениям в науке. Если учесть, что имеющихся достижений как раз не так много, скорее очень мало, то впереди еще есть чем заняться. И стимулировать не надо. Да и какие наши годы? Меня беспокоит вопрос не о будущих успехах, а об осмысленности и некоторой содержательности своей жизненной траектории. Смыслы — это ускользающая цель, их все время надо держать в перекрестье прицела внутреннего взгляда. Тогда, возможно, будет и то, что так сегодня на слуху — «успех». И суть здесь не в том, чтобы стимулировать себя к чему-то новому, а чтобы сделать (сказать) что-то нужное, полезное, значимое — пусть хотя бы на сегодня.

Что касается ученых степеней и званий... Кого сегодня этим удивить? Доктор философских наук, профессор, даже академик — сегодня это все существенно девальвировано, обмельчало. Хотя чиновники и политики еще стремятся к степеням и званиям. И понятно почему: одни создают запасные варианты для себя в банках, различных фондах, в бизнесе, другие — в науке. В визитке можно написать — доктор наук. Как они защищают диссертации — известно: то ли им напишут текст, то ли диссертационный совет проголосует как надо, то ли и то, и другое вместе.

Даже в Российскую академию наук, особенно в ее социально-гуманитарной части, сегодня могут быть избраны люди не за научные достижения, а потому что они занимают некие должности, кому-то что-то сделали, проплатили кому надо (разумеется, не все). Так что и РАН сегодня во многом девальвирована. Достойные люди остаются за ее пределами — в свое время не были избраны в РАН Д.И. Менделеев, М.М. Бахтин, А.Ф. Лосев, Э.В. Ильенков, А.С. Панарин, А.А. Зиновьев. Да они туда особенно и не стремились. Всех порядочных людей это может, как минимум, побудить не огорчаться. Словом, сплошные симулякры...

В науке, особенно социально-гуманитарном знании, ситуация сегодня непростая. Ушлые люди, коих во все века было немало, наплодили всевозможные академии, фонды, ассоциации — те же симулякры. Большинству людей это ничего не дает, кому-то же приносит неплохие доходы. Несостоятельные в науке, неспособные продуцировать научные идеи, они сублимируются в околонучную деятельность. Отсюда — и бумаготворчество, и бюрократия. В фондах гранты выигрывают преимущественно свои люди, тут нет никакой тайны. Вы, Юрий Михайлович, испытали это на собственном примере. Деньги небольшие, бумаг приходится плодить целую прорву. И что, дало все это прорывы в социально-гуманитарном знании? Ничуть. Много суеты — мало науки... Это не значит, что я отрицаю роль этих фондов, научных сообществ. Вовсе нет. Просто в их работе должно быть больше честности, порядочности и реальной отдачи. Сегодня они к этому не готовы, качество их работы не позволяет говорить об этом.

Сегодня преподаватель в вузе вынужден искать дополнительные заработки и бегать по различным работам. Видимо, считается, что это нормально. К тому же

Министерство образования и науки РФ почему-то уверено, что преподаватель должен выполнять аудиторную нагрузку 750-900 часов в год. Руководители вызов с готовностью подхватили эти нормативы, потому что можно меньше держать штатных преподавателей и экономить деньги для оплаты вузовской верхушки. О какой науке здесь может идти речь?

Я уверен, что профессор в вузе должен работать 4-6, максимум 8 часов в неделю, не больше. Тогда от него можно требовать высокого уровня преподавания, отвечающего времени, и хороших монографий. У него должна быть достойная зарплата, которая составляла бы не имеющиеся 25-40 тысяч рублей, а 100-120 тысяч. Я достоверно знаю, что сегодня в любом вузе страны есть деньги, и немалые. Но большие доходы получают в основном люди, входящие в ректораты, и приближенные к ним персонажи. Любой ректор в стране получает только в виде зарплат и добавок от 300 до 800 тысяч рублей. А с иными доходами, легальными и не вполне — и того намного больше. Хочу быть правильно понятым: я не против того, чтобы ректор получал много. Я против того, чтобы профессор получал мало.

Сегодня выражение «Главные фигуры в вузе — студент и преподаватель», которое так любят произносить некоторые ректоры и чиновники — демагогия чистой воды. Главными фигурами в любом вузе, как и во всей стране, сегодня являются чиновники. Они и в вузе и правят бал, плодя бумаги, нормы, распоряжения, правила и т.д.

Что касается вопроса — продолжать, в частности, мне идти дальше по избранному пути или пойти на компромисс — то вряд ли он должен стоять именно так. Любой человек идет по избранному пути и заключает компромиссы. Вся жизнь состоит из компромиссов. Компромисс ведь не синоним и символ предательства. Если компромисс позволяет продвинуть решение проблемы вперед, и при этом не наносится вреда другим людям, занятым другими проблемами, — тогда и собственный путь, и компромисс... Человек может менять не только убеждения, но и принципы, особенно если понимает, что ошибался. Ведь мир-то меняется, и стремительно. Странно было бы, если бы при этом не менялся и сам человек! Это только «Машина времени» и А. Макаревич могут петь: «Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнется под нас!» Красиво, романтично, но довольно демагогично и лицемерно (если, конечно, понимать буквально, на самом деле в песне поется о жизненной стойкости). Очень похоже на «Это есть наш последний и решительный бой!» Да мир ни под кого никогда не прогнется! Он — Мир!

Вот в предательство компромисс не должен трансформироваться. Грани, меру этого в России всегда было очень трудно соблюдать!

Есть несложная мудрость — не обстоятельства должны управлять тобой, а ты ими. Несложно, но на деле трудно. Каждый день в этой жизни последний. Но даже при осознании этого обстоятельства степень жизненного накала, интенсивности, насыщенности бывает разной. От того и неудовлетворенность, что знаешь — сегодня ты мог бы быть более убедителен для самого себя.

Ю.М.: Олег Александрович! Некоторые Ваши сверстники добились серьезных успехов в сфере бизнеса и политики. Вы сделали свою карьеру в философии и прекрасно себе представляете разницу в социальном положении с ними. Сегодня они имеют приличное состояние и положение в обществе. Не испытываете ли Вы острое сожаление в том, что пошли по пути служения научным идеалам, а не интересам собственного благополучия?

О.А.: Вообще-то я избегаю пафосных слов вроде «служение научным идеалам». Может, это и так, но я бы никогда не стал так говорить о себе. Я просто живу своей жизнью.

Никакой ущербности от разницы в положении с представителями бизнеса и политики я не испытываю. Эта разница не социальная, а финансово-экономическая. Думаю, и в бизнесе, и в политике я мог бы добиться некоторых результатов, однако предпочитаю находиться в сфере науки и образования. Мне это интереснее, да и человечнее это. В политике сегодня степень цинизма и коррупции запредельна, точнее, беспредельна. Заниматься бизнесом в отечественных условиях и тратить время на обуздание бюрократического монстра, чтобы заработать миллион-другой долларов – сомнительное удовольствие. Совместить же науку, образование и достойные деньги удается плохо.

Так устроена наша российская жизнь – можно много трудиться, причем с пользой для общества, но труд будет оплачен плохо. В то же время можно совсем не трудиться – и быть богатым. Причем вторые крадут деньги, время, усилия, даже жизни первых в огромных количествах. Согласитесь, то, что у нас в стране есть участники Великой Отечественной войны, не имеющие просто приличного жилья, и молодые люди с множеством движимости и недвижимости – нонсенс, что-то здесь не так. В арабских эмиратах ребенок при рождении получает дом и пакет социальных гарантий и услуг, у нас же часть участников войны, которых сегодня наперечет, и в конце жизни не имеют достойных условий жизни.

Я не нахожу социальное положение политиков и бизнесменов более высоким, чем, например, мое. То, что у них денег больше – не аргумент. Тогда речь идет о финансовом, а не социальном положении. На каждого из них найдется гораздо более денежный человек. Так что по этому поводу пусть они комплексуют. В этой гонке им никогда не выиграть. В конце концов, именно им хочется ученых степеней и званий, которые они успешно покупают. Однако цена-то этим степеням и званиям известна. Так что пусть и здесь комплексуют. Мне же они достались благодаря собственным и довольно напряженным усилиям.

Политикам и бизнесменам скорее нужно посочувствовать. Политик никогда не знает, кто предаст его в ближайшее время, на кого можно положиться – друзей-то нет. А бизнесмен никогда не знает, любят женщины его самого или его деньги. И те, и другие сегодня являются заложниками обстоятельств и денег, а потому страшно несвободны – за не слишком частым исключением. Зная некоторых политиков и бизнесменов, я имею основания сделать такие выводы.

Я руководствуюсь в жизни одной формулой, которую выработал сам: «В наградах не замечен».

Ю.М.: *Представьте себе, что у Вас появилась возможность выбора: вновь начинать карьеру в профессиональной деятельности или остаться в прежнем статусе. Что бы Вы выбрали – статус государственного деятеля или лидера политической партии, успешную карьеру предпринимателя или пост главного редактора престижного политического журнала, спокойную и высокооплачиваемую должность чиновника в образовании или все же деятельность ученого и преподавателя?*

О.А.: Выбор всегда осуществляется в конкретных обстоятельствах. В 1970-е – начале 1980-х гг. это был один набор возможностей, сегодня – другой. Выбирать как бы заново, обладая сегодняшним знанием – это означает, что не ты выбираешь, а логика этого знания обуславливает этот выбор. И если тогда ты выбирал все же сам,

пусть и из ограниченного спектра вариантов, то выбирать сегодня за того, каким ты был в 20 лет — дело неблагодарное. «Времена не выбирают, в них живут и умирают».

Но даже сегодня я выбрал бы научную деятельность. Если бы мог, сократил бессмысленные траты времени на суету и много чего ненужного. Есть у меня и представление о том, какой должна быть научная деятельность — несуетливые, но интенсивные занятия философией, написание статей и книг без чрезмерных забот о том, как и на что нормально прожить в столице России. При этом хотелось бы, чтобы уровень этой деятельности и ее результаты были такими, что это было бы востребовано в стране и обществе. И было бы при этом внутреннее удовлетворение.

А чиновником средней руки я был, и это не для меня. Кстати, это всегда напряженная, а вовсе не спокойная работа. Совмещать же научную деятельность с работой в хорошем журнале — вполне реально. Я это и делаю. Кстати, Ваша жизнь, Юрий Михайлович, еще лучшее тому подтверждение.

Ю.М.: Но поскольку жизнь нельзя начинать каждый раз сначала, то чтобы Вы хотели изменить в ней, не меняя радикально общей жизненной стратегии? Какова Ваша философия жизни дня сегодняшнего? Назовите принципы, которыми Вы руководствуете в своей повседневной жизни.

О.А.: Частично я ответил на этот вопрос. Но кое-что добавлю. Хотелось бы, чтобы в прошедшей жизни все же не было ситуаций, за которые мне стыдно до сих пор. К сожалению, они были. Что касается предстоящего, то хочется, наконец, стать мудрее. Пока жду.

А философия жизни у меня довольно проста. Нормальный человек приходит в этот мир, чтобы прожить осмысленную жизнь. Для меня один из смыслов — творение, творчество в самых разных областях. Как получается — это уже другая история, почти про Моцарта и Сальери. Хотелось бы, чтобы получалось лучше.

Другой ключевой смысл — свобода. Все люди внутренне несвободны, одни — больше, другие — меньше. Свободного человека всегда видно, но таких крайне мало. Я очень несвободен. Главная несвобода — внутренняя. Я выдавливаю из себя эту несвободу. Получается плохо. Видимо, сказывается природа, время, культура, расположение или нерасположение Всевышнего. Никто научить здесь не может.

По возможности исповедую принцип «Не навреди». Тоже получается не всегда. Иногда вред причиняешь, не осознавая того. Это не намеренно. Но чаще всего я делаю шаг навстречу другому.

Далее — уменьшение по возможности энтропии окружающего меня пространства. Наведение порядка вокруг себя (в прямом смысле) в радиусе хотя бы 15-20 метров. Это упорядочивает внутреннее состояние и ход мыслей. С этим же принципом связано желание не увеличивать количество зла в мире. Это — естественное внутреннее состояние. Отсюда — стремление к какому-никакому конструктиву в жизни, что-то сделать, построить, сложить. Разрушение отжившего допустимо, если это ведет к улучшению.

Есть выражение — что-либо делать по «гамбургскому счету». Я, конечно, стараюсь жить по этому принципу, идущему изнутри. Это трудно и часто мешает. Например, статьи и книги пишу медленно. Хочется, чтобы в них были и мысли, и язык, и стиль. А на это нужно время. Поэтому продуктивность оставляет желать лучшего.

Я совершенно не понимаю ни аспирантов, ни докторов наук, которые любую случайную мысль стремятся опубликовать и срочно донести до несчастных читателей.

Часто это такая чепуха! И можно только позавидовать тем, у кого сразу все получается. Но это бывает редко. Даже в серьезных на первый взгляд журналах чаще всего почитать нечего!

Иногда человек ждет от тебя совершенно определенного ответа – положительного. А я не всегда могу его дать. Не потому что не хочу, а потому что в это момент мучительно прикидываю – смогу ли сделать это так, как я это себе представляю. Задержка с ответом воспринимается как нелояльность. На самом деле нет никакой нелояльности и тем более злого умысла, есть внутренний «гамбургский счет». Ну не готов я ответить «Есть!» и как многие другие взяться без раздумий за любое дело. Но из-за этого я нередко получал в жизни большие проблемы.

«Гамбургский счет» касается времени, его заполнения, мыслей, отношений с людьми, одежды, физической формы и т.д.

Мне хотелось бы, чтобы от меня исходило больше доброжелательности. Многие люди ведь не соответствуют твоим представлениям о высокой жизненной планке, и оттого ты ловишь себя на чувстве раздражения. И тебе от этого мало приятно, и люди это чувствуют. Недостаток доброжелательности связан с недостатком мудрости и внутренней несвободой. А это значит, что ты очень сильно отстаешь в развитии от своего биологического возраста. Я вынужден это констатировать.

Разумеется, огромную роль в жизни любого человека занимает любовь. Не всем людям везет. Мне повезло. Это чувство возвышает, освещает путь, делает благороднее и сильнее. Для меня это важно.

Ну, а еще все-таки хочется научиться радоваться жизни, не задумываясь об этом (т.е. о том, что ты должен радоваться в этот момент. Все-таки мысль о необходимости радоваться жизнью отличается от радости самой жизнью). Иногда это получается, часто – нет (опять этот «гамбургский счет» действует).

Примерно такова моя жизненная философия.

Ю.М.: Если же Вам трудно сразу ответить на вопрос о том, что уже сделано Вами в жизни, то я задам другой, еще более категоричный, заранее принося извинения за возможную некорректность с моей стороны: как Вы намерены использовать отведенное Вам время жизни для реализации своих планов? Что бы Вы хотели сделать в первую очередь?

О.А.: Уже несколько лет я ловлю себя на мысли, что разделяю один поэтический образ: «Пройдя свой путь до середины, я очутился в сумрачном лесу». На «середине» одни смыслы сменяются другими, третьи меняют свои акценты, и нужно понять, как именно. Не всегда это понимание приходит сразу. То, что было дорого, вдруг утрачивает свою значимость, что-то, напротив, становится необыкновенно близким. Я не все свои жизненные смыслы определил. Это и хорошо, и не очень. С одной стороны, перемены всегда необходимы, с другой – если тебе не все ясно с самим собой, то так и будешь рефлексировать, не двигаясь с места. Как сороконожка. Да, «познай самого себя» – великая формула. Но это – вечный процесс. А иногда, скорее даже часто нужен и результат. Получающийся же результат не всегда приносит удовлетворение.

Имеющийся пока ресурс времени хотелось бы использовать по возможности эффективно. Это означает, что буду продолжать творить в меру сил и способностей, освобождаться от внутренней несвободы и цензора. Есть замысел книги «Философия управления для России». Она должна быть острой и проблемной. Дело в том,

что проблема управления в России сегодня – одна из ключевых. Это управление просто никакое, самое скверное. Плохо управляемый хаос. Страна неэффективно тратит огромные ресурсы, время, жизни. Мы имеем массу несостоявшихся биографий и судеб. Какой будет эта книга – никто сказать не сможет, тем более я. Есть в планах написать или «Политическую антропологию» (не в традиционном понимании), или «Управленческую антропологию». Эти книги переворотов не произведут, как не производят переворотов вообще многие книги, но хочется, чтобы они принесли пользу.

Но это лишь часть жизни. Другая состоит в том, чтобы посмотреть на мир, поехать, общаться с друзьями, которых много не бывает, с интересными людьми. Словом, все одновременно и просто, и сложно. Для меня важно ощущение жизненного полета. По высокой траектории. Кураж. Ну, тут как уж получается.

Ю.М.: *Еще один вопрос из разряда категорических. Удалось ли Вам осуществить свой жизненный замысел и сформировать общие контуры картины жизни? Если да, то в какой мере и в чем это выразилось?*

О.А.: Что-то удалось осуществить, что-то нет. Никакого жизненного замысла не было. Были жизненные принципы и действия согласно им на каждом этапе жизни – когда удачные, когда нет. И все это сложилось в определенную траекторию и имеющуюся картину жизни. Конечно, я пытался заглянуть лет на 5-10 вперед, но и здесь что-то корректировалось и мною, и самой жизнью.

А общие контуры жизни как у многих – молодость, учеба, любовь, семья, дети, работа, статьи, книги, друзья, путешествия. Надеюсь, лучшие работы, встречи, события еще впереди.

Ю.М.: *Олег Александрович! Что Вам дала философия для понимания собственной жизни? В какой степени Ваш жизненный путь философски отрефлексирован и обоснован?*

О.А.: Я окончил философский факультет МГУ им. Ломоносова в 1978 г. За исключением нескольких лет работал на кафедрах философии в разных вузах. Все это позволяет мне немного – действительно немного, без рисовки – разбираться в этой области знания. Влияние философии на понимание собственной жизни, разумеется, есть. Все-таки вполне классическое философское образование не проходит даром. И если философия есть сущностное выражение культуры и времени, то понимание этого обстоятельства, а также вполне добросовестные занятия во время учебы и хорошие преподаватели выработали во мне способность осваивать этот мир посредством довольно сложных абстракций, выстраивать причинно-следственные ряды, видеть сущность за совокупностью фактов.

Это относится и к собственной жизни. И для ее осмысления можно использовать философские категории, например, «выбор», «пограничная ситуация», «жизненный мир», «субъектность», «свобода», «случайность», «необходимость», «самосознание», «благо», «добро», «знание», «истина», «красота», «бытие», «время», «понимание», «познание», «государство», «культура», «дух», «жизнь», «закон», «идея», «императив» и многие другие. Странно, если бы философское образование здесь не сказывалось. Мозг сам часто включает осмысление происходящего в жизни через призму этих и других абстракций. Например, одну и ту же жизненную ситуацию ты можешь рассмотреть как точку бифуркации, или как выбор, случайность, интенцию, интерес, меру и т.д. Вырабатывается и навык работы с языком, со словом. У меня это выражается в том, чтобы точнее определять значения слов, не умножать

сущностей сверх меры и т.д. Это видно даже по этому интервью. В общем, таких влияний немало.

Но ведь человек не состоит только из рацио. Ты можешь философски отрефлексировать всю свою жизнь, но она (или даже ты сам!) подбросит такие сюжеты, что выстроенные модели окажутся несостоятельными. К примеру, человек может устроить себе день или месяц Счастья. И это может отменить очень многие смыслы и ценности и сформировать совершенно новые.

Кроме того, философия включается в собственную жизнь довольно поздно. К этому моменту человек уже сформировался под влиянием совершенно других факторов. В молодости жизнь протекает под воздействием самой жизни, нежели философии. Поэтому ты можешь философски осмыслить скорее прошлое, чем будущее, которого осталось гораздо меньше. Люди совершают поступки, идут на костер или предаются не под влиянием философии, а скорее в силу своей жизненной позиции и принципов, которые могут быть философски совершенно не отрефлексированы или сложились вовсе не под влиянием философии (а, например, семьи, школы, улицы, контекста, людей и т.д.). Это касается и философов.

Поэтому философия важна скорее для общества в целом, чем для отдельных людей. Кроме тех, разумеется, для кого философия есть дар Божий и судьба.

Ю.М.: Кто из зарубежных или отечественных философов больше всего повлиял на Вас? И кого Вы считаете своими учителями?

О.А.: Пожалуй, не существует таких философов, которые повлияли на становление моей индивидуальности и судьбы. Думаю, это нормально. Можно повлиять на выбор, но не на творчество. Если есть влияние на творчество, то оно есть или эпигонство, или вторично. Например, неокантианство или неогегельянство (возможно, я ошибаюсь). Поэтому учителей как таковых нет. Да и просто не сложилось. Наверное, это не очень хорошо. Однако есть философы, творчество которых для меня субъективно интересно – Кант, Гегель, Ницше, славянофилы, Бердяев, М. Вебер, Фромм, Ортега-и-Гассет, Сартр, Камю. Интересен и постмодернизм, с оговорками.

Ю.М.: И последний вопрос в этой тематической подборке. Как бы Вы определили себя в идейно-теоретическом плане? Какую философскую парадигму Вы разделяете? Одним словом, кто Вы и с кем Вы в философии?

О.А.: Я не уверен, что кто-либо из ныне здравствующих философов в здравом уме и трезвой памяти может внятно ответить на этот вопрос относительно себя. Ведь одни исследователи занимаются проблемами рациональности, другие – вне-научным знанием, третьи – культурой, четвертые – наукой и т.д. Думаю, все они затруднятся дать название своей философии. Если она есть, конечно. Ведь исследование какой-либо проблемы или группы проблем еще не дает основание считать, что при этом сложилась некая философия или парадигма в куновском понимании. Можно, конечно, это назвать как-то громко, но суть от этого не меняется. Например, есть такой энциклопедический словарь «Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды». В нем около 2000 персоналий. Профессор П.В. Алексеев проделал огромную работу, за что ему большое спасибо. Но разве всех вошедших в это издание можно назвать философами? Многие, даже большинство опубликовали одну-две монографии, десяток статей, почитать в них нечего, тем более что происходило это в лихие 1990-е годы (когда можно было опубликовать все что хочешь, как, впрочем, и сейчас, были бы деньги), а в словаре они пи-

шут о какой-то своей философской концепции. Хорошо, не о системе или школе. Признаюсь, и сам грешен.

Корректнее говорить скорее о сфере философских интересов и точке зрения на ряд вопросов у большинства российских исследователей, профессионально занимающихся философией.

Что касается меня, то сфера моих интересов — социальная и политическая философия. Конкретнее — политическая эпистемология, политическая антропология, социальное управление. Но и в этих областях больше предстоит сделать, чем сделано.

А парадигма — как ведущий объяснительный принцип — моих философских исследований может быть описана (если уж об этом зашла речь) примерно следующим образом. В современном технологичном мире антропологический фактор имеет значение не меньшее, чем институциональный или структурно-функциональный. А может, даже и большее. Любые социальные механизмы приводят в движение люди, и от их качества зависит эффективность этих механизмов.

Вот простейший пример из СМИ: при подготовке к летнему купальному сезону в Москве прекрасно подготовились в Северо-Восточном округе (Серебряный Бор и пруды) и из рук вон плохо — в Южном округе (Борисовские пруды). В чем причина, ведь административная система одна, устройство управления — одно, возможности — одни, а результаты — разные? В системе или в людях? Не стоит угадывать и с одного раза. Можно было бы привести и более сложные примеры.

Отсюда — огромная роль элит. Они (элиты) чаще всего не соответствуют вызовам времени, в т.ч. и в России. Любые процессы в современном мире осуществляют люди, и все результаты и ошибки носят антропогенный характер. Даже глобализация, которая не столь стихийна, как может представляться.

Проблема эта не нова, она занимала умы самых выдающихся мыслителей. Однако решения должны быть на уровне современных вызовов и требований.

И, наконец, с кем я в философии... Вопрос так не стоит. И вообще время всевозможных «измов» сегодня прошло. Как и любому философу, мне нет нужды быть с кем-то или против кого-то в философии. Сегодня философия — это не идеология, где «кто не с нами, тот против нас». Философия — это творчество. Любой философ, если он, конечно, философ — он сам по себе, волк-одиночка. Его невозможно загнать в «коллективную философию», если таковая вообще возможна. Есть некие направления, течения, школы, но все это очень условно. Ясперс и Хайдеггер, Пруст и Сартр формально принадлежат к экзистенциализму, но разве их можно считать, что они идут стройными рядами плечом к плечу в колоннах экзистенциалистов? Все они — личности, крупные мыслители, творили исключительно индивидуально. Философия личностна, персоналистична, она излучает свет личности. Любой коллективизм в философии — это близость, родство усредненных людей, но не блеск выдающихся умов, предпочитающих работать в одиночку.

О том, что волнует сегодня российских философов

Ю.М.: Олег Александрович! Позвольте задать Вам еще несколько вопросов, связанных с пониманием сегодняшней ситуации в современной философии. Вопрос первый: как бы Вы оценили состояние отечественной философии с точки зрения критериев (1) выдвижения принципиально новых идей, (2) разработки актуальных направлений, имеющих международное признание, (3) наличия выдающихся представителей философского со-

общества, пользующихся мировым авторитетом, (4) появления разных философских сообществ (ассоциаций) и их печатных изданий – энциклопедий, журналов и т.д.? Разумеется, перечень этих критериев можно дополнить, а саму оценку я прошу конкретизировать отдельно по каждому пункту. Надеюсь на Ваше откровенное мнение.

О.А.: Современная отечественная философия, как и все социально-гуманитарное знание, пока вторична и периферийна по отношению к зарубежной, если взять ее наиболее продвинутые области. Пока она светит отраженным светом. С конца 1980-х – начала 1990-х гг. в ней происходят количественные накопления, которые должны однажды перейти в качественные. И тогда у нас появятся мыслители мирового уровня в философии. Сегодня же этого нет.

Видимо, надо прояснить понятия и ситуацию, как я их понимаю. Давно известно различие философов и профессоров философии. Я разделяю эту позицию. Профессор философии – это тот, кто преподает ее и пишет учебники. Философ же – это дар, он либо есть, либо нет. Философ – как Художник. Нельзя стать философом, если к этому нет предпосылок в виде таланта. Если нет таланта «быть философом», можно стать профессором философии. Возможно, очень хорошим, но это совсем другое.

Есть также научные сотрудники (академические), занимающиеся философией профессионально, например, в Институте философии РАН. По отношению к подлинному философу они занимают такое же положение, как и профессора философии. Среди них (как и среди профессоров) есть великолепные профессионалы, известные в стране и за рубежом, однако и этого недостаточно.

Настоящие философы, как и пророки, рождаются редко. Можно считать удачей, если в стране в течение века рождаются 2-3 философа. А сколько стран на свете, в которых за всю их историю так и не родился ни один философ! России в этом смысле повезло больше, чем, к примеру, Норвегии или Албании. Но сегодня и в России нет философа, который бы мыслил масштабно, адекватно вызовам времени, рождая новые идеи и смыслы. Таковыми можно было бы считать недавно ушедших из жизни А.С. Панарина и А.А. Зиновьева (хотя, скорее всего, не все со мной согласятся), которые сформировались еще в советские времена. Но сегодня их место пустует.

Поэтому предлагать принципиально новые идеи мирового уровня некому. Нет сегодня таких философов. Но я хотел бы быть правильно понятым. Пространство философии в России существует – институционально, организационно и профессионально. В стране имеется несколько Институтов философии РАН, включая головной институт в Москве, ведется преподавание философии во всех вузах, везде есть кафедры философии. Создано несколько философских факультетов, защищаются диссертации по философии, издаются философские журналы и книги (причем и за рубежом). Проходит множество конгрессов, симпозиумов, конференций, круглых столов по философии, в т.ч. международных, с участием российских ученых. Все это продуцирует немало интересных идей, которые и заполняют сегодня пространство философии в России. Но и иллюзий не надо. Никаких крупных, масштабных идей и смыслов (а не умозрительных конструкций или императивов), которые вышли бы за пределы страны, не говоря уже о том, чтобы вызвать соответствующий дискурс, нет, мне они неизвестны. Я, разумеется, не все знаю, мог что-то и не заметить. Но, с другой стороны, как можно не заметить крупную идею?

Причин такого положения несколько. Во-первых, количественные изменения в отечественной философии за последние 20 лет пока не превратились в качествен-

ные. Во-вторых, Философ еще должен родиться, к тому же нужно время, чтобы талант реализовался. В-третьих, масштабные идеи и смыслы продуцировать очень трудно. Их и западные, и другие философы не предлагают сегодня не то что массово, но даже единично. Россия, как и мир в целом, пребывает в движении, в процессе, это состояние еще только должно стать органичным для человека, которому, ко всему прочему, свойственно стремление и к стабильности, устойчивости. Одни системы ценностей уходят в прошлое, их места занимают суррогаты. Это положение хорошо отразила философия постмодернизма. Но сегодня надо идти дальше, получается же не слишком убедительно. С анализом и диагнозом вроде бы все неплохо, а вот с креативом, конструктивом, предложением нового — проблематично.

Инструментарий общегуманитарного, в т.ч. философского, анализа феноменов современной социальной действительности — культуры, политики, коммуникаций, институтов, антропологического — у российских исследователей крайне беден. Отечественное интеллектуальное, в т.ч. философское, сообщество в силу ряда причин оставалось в стороне от процессов модерна и самостоятельной рефлексии над ними. Оно не прошло, как Запад, с конца 1920-х до начала 1970-х гг. школу жестких дискуссий и дискурса о культуре, рынке, о массовом и элитарном, просвещении и прогрессе и т.д. К нынешним крупномасштабным переменам российские философы, да и не только они, оказались в интеллектуальном плане плохо подготовленными.

Поэтому и направлений в отечественной философии, имеющих международное признание, не просматривается. Во-первых, ввиду отсутствия тех, кто мог бы их сформировать, а во-вторых, в силу уже отмеченной особенности философии быть глубоко личностной. Можно, разумеется, говорить о некоторых областях философского знания, в которых российские академические и университетские философы известны за рубежом — философия науки и техники, эпистемологии и логики, история философии и некоторые другие. Но я уверен, что не только западный, но и русский хорошо образованный человек с ходу не назовет даже наиболее значительных представителей этих областей отечественного философского знания.

Количественные же изменения в отечественном философском пространстве продолжают нарастать. Постоянно рождаются новые философские сообщества в различных форматах — региональные, общероссийские, международные, появляются новые периодические издания. Выходят философские энциклопедии по разным областям знания. Все это вполне профессионально, люди заняты делом. Остается надеяться, что на этой почве появятся крупные русские философы мирового уровня, которые предложат масштабные идеи и проекты, адекватные времени и вызовам, способные существенно улучшить мир.

Ю.М.: *Что, с Вашей точки зрения, волнует сегодня наших философов? Какие проблемы стали (или могли стать) предметом общих дискуссий, которые бы охватили значительную часть философского сообщества?*

О.А.: *Наших философов — профессоров, научных сотрудников — волнует сегодня все что угодно. Это, несомненно, и оправданно, и справедливо. У них есть личностные предпочтения, они защищали диссертации по определенным проблемам, писали и пишут монографии и статьи. И большей частью остаются в логике этих интересов. Странно было бы требовать от них иного.*

Однако я вижу некоторую проблему в том, что абсолютное большинство из них занимается такими вещами в философии, которые интересны либо только им са-

мим, либо трем-пяти коллегам и нескольким читателям, которые прочитают их статьи в случае их публикации. И очень немного (но все же есть) таких публикаций, которые были бы концептуальны, сразу захватывали внимание и прочитывались бы на одном дыхании.

Я много лет – около 20 – выписывал журнал «Вопросы философии», пока однажды, лет 5-7 назад как-то сразу он стал мне неинтересен – слишком мало что там было можно почитать. И я перестал его выписывать и, соответственно, читать. На сайте же журнала это невозможно сделать, поскольку он довольно неряшлив, там ни до чего невозможно добраться. Все «засекречено», как будто это представляет страшную государственную тайну. Иногда я все же просматриваю в библиотеке журнала подшивки за год-два, однако мои ощущения только укрепляются – к сожалению. Публикуются в основном одни и те же лица, все такие же малоинтересные для меня статьи. Это, разумеется, только мое мнение. Оно может не совпадать с мнением других, мнением большинства. Но тут уж ничего не поделаешь. Журнал вполне качественный, профессиональный, там бывают любопытные вещи, разные круглые столы, но все же он недостаточно интересен.

Мне кажется, что это не должно слишком задевать руководителей журнала, поскольку в современной России он не одинок в таком качестве. Есть много журналов, философских, и нефилософских, однако большинство из них тоже примерно так-то. Все это отражает состояние современной социально-гуманитарной мысли в стране. Об ее уровне я уже говорил.

Я понимаю, что говоря так, я сильно «подставляюсь», на мне можно здорово отыграться. Тем более что в нашей интеллектуальной среде такая практика распространена. Но, скорее всего, и этого не будет, поскольку сложилась и другая «практика» – не читать друг друга.

Большинство дискуссий сегодня организованы, т.е. инспирированы, как и рецензии на статьи и книги (разумеется, не все). А это означает, что как только заканчивается организация, прекращается и дискуссия. Но если это так, то идея или проблема, которые обсуждались, скорее всего, были не слишком интересными.

А проблем, которые бы могли стать предметом общих дискуссий и которые бы охватили значительную часть философского сообщества, много. Они связаны с усложняющейся социальной реальностью, в которой появляются новые сущности, тренды, мейнстримы, процессы, ценности. Среди таких проблем – основания социума, поиск Абсолюта, социальные кризисы (духовный, управленческий, антропологический и т.д.), качество элит, инновации (их отсутствие) в России, (без)ответственность власти и бизнеса, качество социального управления и т.д. Или, например, почему в России так много усилий уходит на произнесение слов, которые не становятся началом дела? Почему вдруг бюрократия в России стала социальным субъектом? Все эти проблемы на слуху, однако, они не сопровождаются дискуссиями общенационального масштаба. По крайней мере, я этого не вижу. А ведь у всего этого есть своя онтология и антропология. Разумеется, есть некие вялотекущие разговоры. Встречается полемика двух-трех авторов в журналах или газетах, на телевидении в рамках передачи. Но это еще не общенациональная дискуссия. Возможен и массив публикаций по какой-либо проблеме. Однако дискуссии в общем-то нет. Значит, их темы не захватывают остальных. Возможно, этого не происходит не только потому, что не тянет на национальный масштаб, но и потому, что людям, помимо

прочего, нужно еще как-то выживать в нашем мире. Какие уж тут дискуссии!

Но дело, думаю, серьезнее. Сегодня философское сообщество не готово стать субъектом такой дискуссии, по крайней мере, в инициативном отношении. Есть политологические, социологические, экономические, культурологические фрагменты таких дискуссий, но не философские. А без философских концептуальных подходов ответов и решений не найти.

Вот еще перспективная тема – «Варварство Запада». Запад много и справедливо говорит о своей передовой культуре, авангардной роли в мировом прогрессе, о варварстве других, например, России. Но было бы небесполезно философски осмыслить варварскую составляющую самого Запада. Крестовые походы, эксплуатация почти всего остального мира, охота за ведьмами, две мировые войны в XX в., применение атомной бомбы, напалм, педофилия, гомосексуализм, силовые методы решения политических вопросов – это ли не варварство? Это ведь тоже Запад.

Ю.М.: Как Вы считаете, Олег Александрович, какие тенденции наблюдаются сегодня в философском сообществе? Куда идут философы России?

О.А.: Философия – это порыв человека выйти на новый уровень миропостижения, за пределы необходимости и наличного бытия, претензия на способность подниматься до более высоких идеалов и ценностей, погружаться своими смыслами и действиями в глубины прошлого и контуры будущего. Попытки философии реализовать эти претензии могут быть неадекватными вызовам времени, что влечет ее критику. Впрочем, тем самым философия получает новый импульс для самоуглубления, поиска новых путей истории и парадигм мышления.

Российская философия сегодня в целом не способна реализовать эти высокие претензии, а потому она довольно периферийна в мире. Я не могу назвать идеи и разработки мирового уровня, которые бы получили распространение за ее пределами. Пока никто, ни в одной аудитории даже не пытался опровергнуть такую постановку вопроса. Влияние же Запада и Востока на русскую философию очевидно. Но отраженный свет – это еще не свет самой философии. Тем не менее, в ней происходят количественные изменения и процессы самоорганизации, которые должны однажды привести к новому, более высокому качеству. Когда и как это произойдет – никто не знает. Академические и университетские философы работают довольно неспешно, неинтенсивно, за редким исключением. И все же, я уверен, однажды в России появятся философы мирового уровня, которые окажутся способными увидеть новые смыслы и тренды, отвечающие времени и его вызовам, предложить крупные идеи концептуального характера.

Если, конечно, философии не навязывать идеологические, политические, религиозные контексты. А это возможно даже в наши дни. Возьмите, например, французского философа А. Глюксмана. Философ он, бесспорно, неплохой, однако его русофобия не имеет границ и это, естественно, отрицательно сказывается на его творчестве. Слишком задана интенция его исследований. Философия же должна развиваться в собственной логике.

Что касается нынешних поколений российских философов, то они слишком медленно освобождаются от внутренней несвободы, которая принципиально противоречит сущности самой философии – быть свободным мышлением. Должно вырасти поколение «непоротых дворян», не испытавших влияния «поротых». Должны пройти те самые 40 лет – как минимум.

Ю.М.: *Вам известно, что в академической науке существует своя иерархия: научные сотрудники, работающие на общих основаниях, и члены РАН, относящиеся к привилегированной части научного сообщества и принимающие решения по стратегическим вопросам от имени всего сообщества. Причем среди тех и других имеются весьма заслуженные и известными люди. Кого же Вы считаете настоящей философской элитой страны?*

О.А.: Если учесть, что философов мирового уровня в стране сейчас нет, если к понятию «элита» отнести «по гамбургскому счету», то о философской элите говорить в общем-то и не приходится.

Если же смягчить требования к понятиям «философ» и «элита», то такая элита есть. К ней относятся все те, кто пишет хорошие книги, статьи, известен в философском мире и за его пределами своими идеями, выступлениями, проектами. Чаще всего это умные люди, которые для России составляют очень тонкий слой специфической культуры и противостоят социальной энтропии и деструкции. Это некоторые академические философы, некоторые университетские профессора философии. Таковых не более 150-200 человек на всю страну.

Но я подчеркиваю, что речь должна идти о настоящем продукте их интеллектуального творчества. А это встречается не так уж часто. Сегодня можно опубликовать все что угодно за деньги, в любом издательстве. Ценность опубликованного в научном плане часто минимальна. Количество книг и статей, числящееся за некоторыми философскими авторами, огромно. Однако это не должно вызывать комплексов у тех, кто творит медленно и мучительно. Известно, что И. Кант свою «Критику чистого разума» создавал 11 лет, с 1770 по 1781 г. В ней и сейчас есть что почерпнуть. Многие ли из современных философских авторов, твердо решивших выпускать по одной книге в год (я знаю таких), могут предположить, что их будут читать спустя 200-250 лет?

Назвать же кого-то конкретно – не думаю, что стоит это делать в данном случае. Можно случайно какие-то имена упустить, их носители способны обидеться. Философам ведь тоже все человеческое не чуждо. Однако при личных встречах тем, кого я считаю такой элитой, я об этом говорю. Называю их имена и на лекциях.

В современной России вопрос о членстве в РАН и принадлежности к философской элите – не одно и то же. Можно быть членом РАН, но в сознании философского сообщества философскую элиту могут составлять и другие. Об этом речь отчасти уже шла. К первым могут даже на лекции ходить с трудом, по обязанности, вторые же признаны самим философским сообществом.

Ю.М.: Какими качествами, с Вашей точки зрения, должен обладать настоящий профессиональный философ? И вообще разделяете ли Вы мнение о том, что разделение на профессиональную и самодеятельную философию вполне оправданно?

О.А.: На мой взгляд, Философ должен быть, прежде всего, свободным в своем мышлении. Это означает, что его мысль не останавливается ни перед какими границами, не довольствуется никаким данным извне содержанием. По своей сути и предназначению философская мысль всегда есть, с одной стороны, проблематизация действительности, с другой – попытка ее «депроблематизации», отрицание проблемы в виде идеального решения. Значит, Философ должен обладать способностью к критике и конструктиву, творчеству. Он должен также участвовать в очеловечении этого мира, углублять всеобщие основы смыслообразования.

Философствование несет в себе попытки прорыва к эффективной функциональности субъекта в усложняющемся мире. Философ должен также обладать способностью к диалогу с иными формами мысли.

Все это у меня ассоциируется с тем, что должен уметь делать философ — это если коротко.

Что касается разделения философии на профессиональную и самодеятельную, о чем Вы говорите, то оно искусственно. Если человек от Бога Философ, то неважно, в Институте философии он работает или в другой сфере творит. Но таких крайне мало! Я не имею в виду философию бытового уровня, речь — о настоящей философии. Философ может оказаться творцом в любой сфере. Достоевский не был профессиональным философом, но он был им от Бога в литературе. Как и Шекспир, а в живописи — Андрей Рублев.

Однако это не означает, что в философию могут направиться стройными рядами с песнями и под знаменами все кто пожелает. К сожалению, такая ситуация сегодня слишком распространена. Это плохо для философии. Почему-то сегодня диссертации по философии, в том числе докторские, считают возможным защищать люди, не имеющие базового образования, все кому не лень — медики, биологи, инженеры, политики, финансисты, чиновники и т.д. В то же время я не знаю обратного — люди с философским образованием не идут в медицину, строительство, производство, банки, редко становятся чиновниками. А при сегодняшних нравах можно организовать защиту диссертации по философии кому угодно, найти сколь угодно покладистых оппонентов, рецензентов, диссертационные советы. С «просьбами о поддержке» соискателей могут выйти действительные члены РАН, политики, крупные чиновники и т.д.

Поэтому профессиональное образование в философии скорее необходимо, это лучше, чем его отсутствие. По крайней мере, оно дает базу для дальнейшего продвижения в этой области знания. Однако оно не гарантирует, что его носитель непременно станет крупным философом.

Ю.М.: Считается, что профессиональной философ — это человек, имеющий базовое философское образование (подготовку) и обладающий навыками философствования. Но должен ли такой философ соответствовать своим убеждениям в повседневной жизни? Можно ли рассматривать философию и философствование как образ жизни?

О.А.: Частично я уже ответил на этот вопрос в начале беседы. Думаю, что говорить в категориях долженствования о соответствии философии и повседневной жизни в личности философа вряд ли имеет смысл. Такое вообще в жизни встречается крайне редко (разве что у пророков и великих мудрецов, и то не у всех — гонитель христиан Савл тоже ведь не сразу стал апостолом Павлом). Например, большинство врачей курят и употребляют алкоголь. Разве это соответствует их профессиональным убеждениям? Любой политик или чиновник публично говорит прекрасные слова о долге, ответственности, честности и т.д. И где тут соответствие? А изготовители рекламы? Даже священники могут, вопреки религиозным ценностям и морали, оказываться педофилами, гомосексуалистами, не говоря уже о более мелких прегрешениях. Практически любой человек в своей жизни немного лгал, немного подличал... Разве это не так? «Пусть тот, кто без греха, первым бросит в меня камень».

Едва ли следует требовать от философа быть героем и постоянно совершать подвиги. Сократ и Д. Бруно отдали жизни за свои убеждения, Спиноза, Зиновьев и ряд

их собратьев по цеху вызывают восхищение, но сотни других философов вынуждены были учитывать реальность и находиться под прессом то религии, то идеологии, то политики. И даже занимать лидирующие позиции в соответствующей иерархии. Ставку ценою в жизнь не все готовы проиграть. И сегодня все то же самое. Философ может быть сколь угодно критичным, но где-то он получает зарплату и отработывает ее. Это, конечно, сдерживает, ограничивает и оборачивается в конечном счете той несвободой, которая противоречит природе философского мышления. Однако чем масштабнее философ, тем больше он соответствует своим убеждениям.

Надо несколько уточнить понятия. Если у человека есть некие убеждения, то его поведение скорее всего соответствует им в быту, иначе о чем говорить? Но если философ является специалистом в области философии и методологии науки, логики, философских проблем естествознания и т.д., если он профессионально высказывается по вопросам морали, ценностей, жизненных смыслов, духовности и т.д., то как определить его убеждения? Они же не тождественны его профессиональным знаниям... Поэтому, разумеется, человек может быть неплохим специалистом в какой-либо области философского знания и при этом не вызывать особого уважения в чисто человеческом, бытовом плане. Я это помню хорошо по своим студенческим годам на философском факультете МГУ. Да и во всей последующей жизни. Но я не считаю себя вправе судить только на том основании, что мне что-то не нравится в них. Я все-таки способен заметить высокий уровень профессионализма в человеке и отдать ему должное. Но диссонанс между профессионализмом философа и его поведением в социуме всегда вызывает глубокое разочарование и обществом и, как правило, отторгается.

Ю.М.: Олег Александрович! Вас как философа что больше всего волнует в сегодняшнем мире? Неизбежна ли глобализация и ее вызовы? Или возможны другие сценарии мирового развития?

О.А.: Меня как человека, имеющего определенную философскую подготовку и практику, более всего занимает вопрос том, как совместить в мышлении невероятную сложность и красоту этого мира с малостью и хрупкостью человеческой жизни и кратковременностью пребывания человека в нем. Во всем этом содержится либо высшая и непознанная (мною) мудрость, либо чего-то в этой гармонии не хватает. Тогда это дисгармония. Но скорее всего первое. Не пенять же природе или высшим силам, Создателю, что они где-то что-то не подумали. И все же, думаю, многие люди ничего не успевают понять в своей жизни, как она уже заканчивается. Но переживать, видимо, следует не потому, что жизнь заканчивается, а потому, что она еще не начиналась. А может быть, в кратковременности человеческой жизни и впрямь содержится высшая мудрость Творца – ведь если человек сам отвечает за ее наполнение, значит, он все же свободен, хотя бы частично?

Человечество в целом плохо понимает, что с ним происходит. Элиты оказываются не на высоте ни вызовов, ни морали, единственно которая, если уж ты что-то не понимаешь, остается хоть каким-то критерием и способна предотвратить Апокалипсис.

В целом, однако, не все так мрачно. В человеке заложен потенциал развития. Человечеству неоднократно казалось, что оно находится на краю гибели, и тем не менее всегда что-то останавливало сползание в пропасть. А сколько в истории, начиная с Гомера (а может, и раньше), сломано копий по поводу молодежи, которая

всякий раз оказывалась будто бы хуже предшествующих поколений! Более того, происходило то, что мы называем словом «прогресс». Он, конечно, многолик и противоречив, но все-таки люди вышли из пещер, научились летать и преодолевать расстояния, пытаются разобраться в себе, во времени, культуре, идентичности.

Проблема заключается в том, что при огромном объеме знаний, информации, умений человечество не научилось делать две необходимые вещи: во-первых, эффективно управлять своим бытием и, во-вторых, подняться над уровнем пока еще довольно варварской, если не сказать, дикой морали и системы ценностей. Кое-что есть по частям, у различных народов и их отдельных представителей. В целом же в мире господствует несправедливость, несвобода, неуважение к человеческой жизни. На уровне элит к этому добавляются безмерная алчность, безответственность, неэффективное управление (тогда какие же это элиты?).

Все эти характеристики сопровождают процесс глобализации. И при отсутствии необходимых умений и морали она не может быть иной. Глобализация неизбежна, в ее основе лежат естественные и объективные процессы. Однако эти процессы реализуют люди, они участвуют в них. Следовательно, не факт, что возможен только реализующийся сегодня сценарий. Сегодня государства по возможности направляют стихийно-дикую глобализацию в нужное им русло применительно к своим социумам. Народы, желая свободно перемещаться в пространстве, использовать технологические достижения, не хотят утрачивать свою культуру, идентичности, языки. Это известно. Трудность в том, чтобы соблюсти тонкую грань между этими процессами и пройти по лезвию ножа с минимальными потерями. Не у всех это получалось в истории, даже у Европы, которая со всей ее культурой и цивилизованностью дважды была инициатором мировых войн и массового уничтожения людей. А тем, у кого получается, следовало бы побеспокоиться о том, чтобы это происходило не за счет других.

Но одними словами и сослагательными наклонениями здесь ничего не сделаешь. Поэтому нужны механизмы, которые могли бы побудить сильных учитывать интересы менее сильных, а не просто уничтожать их, как когда-то индейцев Америки. Сегодня это вопрос вопросов. Причем новые сильные также нуждаются в обуздании. Китай, понятно, уже сопоставим с США по мировому влиянию и способен даже в недалеком будущем превзойти их. Это хорошо, что США вынуждены быть не столь бесцеремонными, как раньше. Однако нет никаких гарантий, что Китай как первая держава мира не начнет свою экспансию — экономическую, культурную, вооруженную, территориальную, миграционную, которую остановить будет еще сложнее, чем американскую. Он же — Поднебесная! А там на подходе другие центры.

Поэтому должно быть либо много центров влияния, уравнивающих друг друга, в число которых непременно должна входить Россия, либо уровень морали и духовности у наиболее сильных мировых центров должен быть настолько высок, что это гарантирует безопасность и успешное развитие всех остальных. Однако последнее сегодня — из области фантастики. По крайней мере, на ближайшие лет 700-1000.

Однако в философском смысле важнее другое. Человечество так и будет пребывать в логике «Кто сильнее? Кто правовернее?», которая способна уничтожить его, если в охватившей его смуте оно не найдет подлинных оснований своего бытия, Абсолют, чтобы не сбиться с пути. Это позволило бы пестроте и разноголосице этого мира придать ему (миру) понятный всем смысл. Идея не нова со времен Будды и затем Христа, но очень далека от адекватного понимания.

Но эта тема требует особого разговора.

И еще. Похоже, в современном мире медленно, очень медленно «прорастает» проблематика индивидуального, антропологического как социально-репрессированного начала и как ориентира в культуре и искусстве. Здесь нет возможности развивать эту тему. Отмечу лишь, что отстаивание права на индивидуальное и даже интимное как одну из немногих действительно универсальных ценностей и моральных императивов, возможно, есть один из примеров трансформации политического в условиях безальтернативной, гламурной политики. Социальная и политическая практика редукции, вытеснения всего «непохожего», возвышающегося, «отличного» в массовизированном обществе и культуре порождает пока в локальном масштабе, на периферийных участках что-то вроде «восстания индивидов» (по аналогии с «Восстанием масс» Х. Ортеги-и-Гассета). Правда, совершенно непонятно, как «восстание индивидов» утратит массовые характеристики. Вот еще одна тема для философского дискурса.

Ю.М.: Вы давно специализируетесь в области политической философии. В 1990-е гг. российское общество пошло по пути Запада, но сохранило в себе многие традиционные черты. Можете ли Вы квалифицированно определить тип общественной системы, который сложился в современной России?

О.А.: Все имеющиеся типологии общественных и политических систем — а их очень много — утрачивают силу как в целом, так и в случае с Россией, поскольку мир слишком быстро меняется.

Россия сегодня — постмодернистски фрагментированный социум с целым рядом укладов и социотехнических систем разной природы, пытающийся модернизироваться, обладающий слабым государством и управлением. Это, разумеется, не определение, а характеристика.

Современная Россия не соответствует тем амбициям и притязаниям, которые время от времени озвучивают ее политические руководители. Она еще довольно сильна — все-таки седьмая экономика мира, у нее много природных ресурсов и есть ядерные ракеты (которые, на мой взгляд, сегодня не должны подлежать сокращению). У нее большая территория, великая история и культура. Все это — заслуга предков.

Однако в последние десятилетия России не слишком везет с политическим руководством и управлением в силу того, что механизмы отбора политической и управленческой элиты устарели и дают серьезные сбои. В результате к власти и управлению в стране приходят некомпетентные, непрофессиональные люди, которые не обладают необходимым масштабом и уровнем мышления и способностями. Более того, среди них могут попасться люди с уголовным прошлым или злоупотребляющие алкоголем. Культура, институты общества не смогли противостоять подобной деградации власти и управления. Те трагедии, которые пережила страна в XX в. — следствие, помимо прочего, именно этого феномена.

Вообще-то результаты XX в. во многом предвидели русские художники и мыслители уровня Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого. «Все возможно, если Бога нет!» Если нет Бога, тогда приходят бесы (все по Достоевскому!) — это ведь не только религиозная постановка вопроса. Вот в отсутствие Бога бесы и пришли — во власть, управление, культуру. Конечно, там встречались и встречаются не-бесы, но их обычно быстро «нейтрализовывали», а признание часто приходило лишь пост-смертно.

В современной России выстроена такая общественная и политическая система, что в ней главным социальным и политическим субъектом является бюрократия — наглая, непрофессиональная, грубая, коррумпированная, жадная. Это дикость, потому что она не должна быть ни тем, ни другим. Она должна быть всего лишь частью государственной машины. Но сегодня бюрократия может заблокировать даже действия рулевого этой машины — Президента. Тем более что фигура первого лица не столько воплощает власть, сколько символизирует сверхвласть, управу над властью и власть над законом без ответственности перед кем бы то ни было. Именно от не уважающей народ и коррумпированной бюрократии идут энтропийные, разлагающие импульсы, сигналы и ценности в общество — брать взятки, все мерить деньгами, ни в грош не ставить рядом живущего.

Но «если ты мгновенным озабочен, твой жребий страшен и твой дом непрочен» (Мандельштам). В России с ее масштабами должно быть сильное государство и управляемость. Здесь трудно избежать элементов авторитаризма (это не значит «невозможно»). А в США нет разве таких элементов? Да сколько угодно. Не говоря уже о Франции, Китае или Сингапуре. Однако управляемость и сильное государство — это не синоним бюрократии.

Многое из того, что происходит в России, не внушает исторического оптимизма. Политическую и управленческую «элиту» составляют серости, безликие люди. Рекрутирование идет по признаку не деловых и моральных качеств, а лояльности и личной преданности. Дело дошло до того, что министров и губернаторов выбрать не из кого! Вынуждены формировать президентскую кадровую тысячу! Но даже и в эту тысячу пытаются пролезть или просунуть по знакомству своих детей и родственников!

При этом любой из чиновников готов стать хоть министром, хоть губернатором! Справится ли — десятое дело! Это уже социокультурный феномен! Из любого десятка опрошенных мною студентов 8 готовы без колебаний стать Президентом страны! Не говоря уже о том, чтобы быть чиновником рангом чуть ниже.

Многие политики и крупные чиновники сегодня способны лишь к превращению политики и управления в разновидность шоу-бизнеса или к их гламуризации. В идейном отношении такой гламур означает беспроблемность, в стилистическом — эклектизм, его главные эффекты — церемониализация, медиатизация, ритуализация, унификация, массовизация, бесполемичность.

В результате государство создает такие условия, в которых доминируют временщики, моральные маргиналы, плохо развиваются (а то и деградируют) экономика, бизнес, культура, образование, здравоохранение, сельское хозяйство, наука. Сама государственная машина страшно медлительна и неповоротлива, прожорлива и неинновационна.

Есть множество критериев оценки качества управления, в том числе довольно сложные. Однако за этой сложностью подчас не видны самые простые показатели — а) страна не должна распадаться и терять территории, б) ее население не должно уменьшаться, в) экономика не должна претерпевать дефолты и кризисы, г) качество и уровень жизни должны расти, д) образование и наука — развиваться. Если в страну больше людей хочет приехать (причем высокообразованных мигрантов), чем уехать из нее — это эффективное управление.

Ну и что мы имеем за последние 20 лет? Территории, которые трудами, потом и кровью осваивали наши предки, уменьшились; население также уменьшается; были

допущены дефолт страны и кризис; люди продолжают уезжать, приехать стремятся в основном гастарбайтеры; уровень образования снизился; взяткоемкость медицины превысила все мыслимые пределы. Импорт продовольствия доминирует над собственным производством. Экономика страны носит сырьевой характер, потеряно много лет в разговорах о переводе ее на инновационные рельсы. Понятие «жадность» (алчность) стало экономической, социологической и даже экзистенциальной категорией применительно к части чиновничества, политиков, бизнесменов — это признано на самом верху власти! В нынешний кризис фондовый рынок свернулся на 75%!

Разве это не результат неэффективного политического и административного управления? Не народ же, в самом деле, сдавал территории и распределял гигантские бонусы в разгар кризиса, покупал особняки, яхты и футбольные клубы за границей.

С точки зрения социальной организации в стране наблюдается не столько дифференциация функций и форм социального взаимодействия и, соответственно, их институционализация и универсализация смысловых оснований внутри- и межинституционального поведения, сколько их фрагментация и изоляция. Однако такое фрагментированное состояние социальной материи есть не аморфность и аномия, а напротив, вполне функциональная характеристика и даже условие управляемости населения. Разобщение масс — новая технология управления социумом сегодняшней российской власти. Это управление не от имени силы или авторитета власти, а с расчетом на слабость и безответность населения. Однако это вызывает довольно сомнительный эффект, поскольку не стимулирует, а скорее парализует.

Некоторые представители отечественной социологии (М.К. Горшков, ИС РАН, В.К. Левашов, ИСПИ РАН и т.д.) делают неутешительный вывод о нарастании процессов социального расслоения в обществе. Утверждения о том, что в России наиболее массовой категорией населения стал средний класс (будто бы 60-70%), есть либо попытка выдать желаемое за действительное, либо сознательное введение в заблуждение общества. К сожалению, такого преобладания среднего класса в современной России нет, и в ближайшие 8-10 лет не будет ни при каких обстоятельствах. Нарождавшийся мелкий и тем более средний бизнес подвергся в 2000-е гг. административному прессингу, «закошмариванию» со стороны бюрократии и не смог стать основой среднего класса. Хотя в условиях кризиса именно мелкий и средний бизнес мог бы смягчить безработицу. Сегодня средний класс составляют в основном крупные чиновники, топ-менеджеры, собственники больших пакетов акций, т.е. те, кто сам ничего не производит. По совокупности основных признаков среднего класса в России не более 10%.

Самой массовой категорией населения в России являются малообеспеченные граждане, а также те, кого социологи назвали «нуждающимися». По состоянию на весну 2008 г. они составляли 43% от населения страны. Но и среди них насаждаются потребительская психология и ценности.

Не внушает оптимизма и то, что суды несамостоятельны и являются слабейшей ветвью власти из всех других слабых ветвей. Социологические исследования показывают, что главным фактором в принятии решений судами являются не право, а влияние других ветвей власти и деньги. Выиграть в суде дело нормальному человеку стоит огромных издержек — временных, финансовых, моральных. В результате суд не воспринимается как справедливая инстанция.

Сегодня ни бизнес, ни средства массовой информации, ни церковь, ни профсоюзы, ни общественные организации, ни другие «акторы» не являются социальными субъектами, т.е. способными принимать социально значимые решения. Они всего лишь «акторы» — действуют, но не принимают социально значимых решений и мало на что влияют. То есть гражданского общества в стране фактически нет. Его зачатки сегодня практически не в счет. Следовательно, с властью некому спорить и находить истину. А ситуация, когда власть чувствовала себя безусловным носителем истины, в России уже бывала неоднократно, и всякий раз это плохо заканчивалось для страны. Но и для власти тоже. Последний раз не далее как в 1991 г. А перед этим — в 1917.

Для России сегодня важно перейти к новой модели развития. Речь — о новом качестве отношений в обществе, солидарности, ответственности, большей степени справедливости. Во власти и управлении должны смениться парадигмы и ценности, должны взращиваться люди, обладающие государственным масштабом и уровнем мышления. Это должно быть мышление, способное интеллектуально переиграть внешних противников и обеспечить их превращение в друзей или партнеров, а не отталкивать от себя даже немногих оставшихся союзников. Власть и общество должны найти новые точки роста, суметь превратить энергию разрушения в энергию развития, взрастить субъектов инноваций.

В противном случае провинциальность страны закрепится надолго, а Россия будет восприниматься как неудобное, холодное, неуютное пространство с нефтью и газом и жадными и коррумпированными властью и бизнесом. Как сегодня и есть на самом деле.

Один иностранец в сердцах однажды заметил: «У вас в России даже коррупция коррумпирована!» Мы же в России знаем об этом на собственной шкуре.

Ю.М.: Темы «Россия и Запад», «Россия и Восток» невольно подводят нас к вопросу о том, по какому пути должна (или может) пойти наша страна? Могли бы Вы изложить свою позицию по данному вопросу?

О.А.: Россия должна идти по своему пути. Ее главная национальная идея — «Быть собой». Она — часть и Запада, и Востока. Но при этом не Евразия, не Азиопа, а самодостаточный мир. Россия никогда не сможет быть чем-либо иным, кроме как сама собой. Сегодня это выглядит для мира неубедительно и малоавторитетно, мы сами для этого очень постарались. Но это может быть и убедительно, и авторитетно. И тоже надо сильно постараться. Надо четко осознавать собственные интересы и возможности. Знаете, как на производстве и в торговле есть понятие «соотношение цена — качество», так и в мировом позиционировании должно быть поведение согласно принципу «соотношение интересы — возможности». Если ты не можешь быть мировым лидером — не надо и претендовать. Но ты способен быть региональным центром, тогда и веди себя соответственно — умно, твердо, уважая партнеров и адекватно отвечая на попытки прощупать на силу и «на слабо».

Россия еще предстоит заставить работать весь огромный потенциал, который у нее есть. Это не нефть и газ, а прежде всего интеллект и культура людей, это давно всем понятно. Но делается для этого преступно мало. Власть должна уметь рассчитывать свои действия на десять шагов вперед, предлагать стратегию и эффективно управлять при ее реализации, а не просто примитивно рулить, обогащаться и везде опаздывать со своими реакциями. Органы безопасности должны не «крышевать» бизнес и самим не заниматься бизнесом, а работать на всю страну — выведывать

технологические секреты, создавать агентов влияния в других странах, предугадывать и нейтрализовывать замыслы и действия противника задолго до попыток их осуществления. Давно следует научиться распознавать, где информационное манипулирование, а где – война. Для этого нужны хорошие мозги.

По этим и другим причинам нужно вкладываться в элиту – культурную, политическую, административно-управленческую, научную, промышленную – и не жалеть денег на ее образование и воспитание.

Технологии и социальные институты, безусловно, могут приходить извне – самые передовые, однако они должны быть привиты на отечественную почву, это очевидно и уже давно понято, однако пока «не в коня корм». Рынок – да, но не базар. Рынок – да, но регулируемый. Государство не должно отвечать за каждую булочную и мастерскую, но оно должно создать условия, чтобы они были и работали качественно. Государство не должно уходить из жизненно важных сфер, потому что сами по себе военно-морской флот и авианосцы не строятся, а в культуре бизнес способен только на незамысловатую «попсу».

Сегодня страна и национальное мышление должны выйти за пределы всевозможных «измов» – социализм, капитализм, западники, славянофилы, евразийцы и т.д. Главная идеология для России ныне – смотреть на мир реально, неважно, на кого он похож, на Запад или на Восток. Выдерживать соотношение «интересы – возможности». Неразумно расплывать силы по всем фронтам, но на главных – надо выложиться. К числу главных относится, прежде всего, российский народ, вкладываться надо прежде всего в него! Именно он способен дать интеллекты, элиту, волю, идеи, энергию. На тощих же почвах произрастают чахлые ростки.

«Быть собой» – это не национальное самомнение и чванство (водится у нас в избытке), а достоинство и самоуважение, основанное на реальных достижениях и силе. Тогда и других, например, своих соседей, уважать будем, а не просто пугать их. Потому что не уважают других люди слабые или с комплексами.

Стоило бы создать условия не просто для возвращения собственных интеллектуалов, уехавших за рубеж, но и для приглашения интеллектуальной силы других стран – управленцев, ученых, врачей, деятелей культуры и искусства. Россия слишком долго обеспечивала интеллектами весь остальной мир, чтобы продолжать эту практику. Пора и о себе подумать. В конце концов иностранцы благоприветствовали развитию страны и при Петре, и при Екатерине Великой, и даже при Сталине. При этом они могут быть рекрутированы не только с Запада, но и с Востока и с Юга. Способствуют же развитию нашего футбола и других видов спорта голландцы Хиддинк, Адвокат, бразилец Зико, итальянец Мессина и другие специалисты. Такие специалисты могли бы быть и в управлении, причем не только корпоративном, с возможностью предупреждения всех возможных издержек.

Ю.М.: *Чтобы Вы хотели пожелать нашим читателям, не являющимися философами, в освоении многотысячелетней мудрости? Идеи каких философов могли бы пригодиться им в решении собственных жизненных проблем? Или каждый из них должен себе выбрать блюдо по вкусу, т.е. найти близкую ему по духу философскую систему?*

О.А.: Читатели журнала «Личность, культура, общество» – образованные, ищущие люди. Уже в силу этого практически все они имеют собственное представление о философии. Едва ли они настроены нигилистически по отношению к ней, скорее наоборот, уже обращались к ней в поисках ответов на свои проблемы. Вероятно, они

уже поняли, что философия не дает готовых ответов. Она больше задает вопросы и проблематизирует мир, хотя пытается и депроблематизировать его. Но вариантов ответов – всегда не один, а больше. Тогда встает проблема выбора. И это выбор поможет осуществить изучение философии и само философствование как опыт свободного мышления, хотя это очень трудное занятие. В истории человечества очень немного по-настоящему свободных людей, которые бы обладали свободным мышлением. Довольно часто несвобода, бедность мысли скрывается за многословием, мнимым глубокомыслием и псевдофилософствованием.

Думаю, однако, что не существует никакой тысячелетней мудрости. Существует некое знание, высказанные великими людьми – пророками, святыми, философами – глубокие мысли, которые превращаются в мудрость только будучи пропущенными через личный опыт бытийствования. Замечали, что острые и яркие идеи, афоризмы могут произвести впечатление, поразить воображение, но при этом не задеть внутренние струны человека? Если они не вступили в резонанс с внутренним состоянием человека, они так и остаются посторонними, внешними.

Поэтому мудрость у каждого своя. Если человек будет руководствоваться чужой мудростью, он будет жить чужой жизнью. Вряд ли кто-либо хотел бы лишиться права, привилегии и счастья прожить собственную жизнь.

Обращаться, разумеется, стоит к любому философу, который близок по духу. Скорее всего, это обращение будет не единственным, потому что в 25 лет человека занимают одни мысли и переживания, в 40 или 55 – другие. Скажутся и условия, в которых бытийствует субъект, и решаемые им жизненные задачи, которые у всех разные.

Но, честно говоря, я и сам испросил бы у читателей совета по поводу того, как осваивать эту многовековую мудрость. Просто однажды понимаешь, что знаний много, и освоить их все невозможно. Мир слишком велик и разнообразен, чтобы познать и понять его. Во всяком случае, мне очень далеко до этого. Но оттого он так прекрасен!

Желаю читателям журнала обрести ту жизненную траекторию, которая значима для каждого из них. Пусть у этой траектории будут необходимые высота и направление, поддержанные хорошей энергетикой, волей, жизненной силой. И хорошей философией тоже.